

О, прекрасен ты, мир в переплете весны, —  
И сверкают твои межпланетные сны,  
Как посланцы мечты, — без порока.  
А о том, что ты груб и безумно жесток,  
Я когда-то забыла дослушать урок,  
Навсегда убежавши с урока!

Эти взрослые глупости мне не нужны.  
Я люблю в крутобокой плавильне весны  
Острый запах запретной свободы —  
Дерзость быть вопреки, перейдя за черту,  
Жить, распахнутой настежь, и душ высоту,  
Что идут по судьбе, как по водам.

В древнем мире своём, в вольном детстве своём  
Я, забывшись, слилась навсегда с бытиём —  
Безоглядно, всерьёз, без остатка.  
Перемазалась солнцем в горячем песке,  
Засмеялась, упрятав грозу в кулаке,  
Над обрывом сверкнула касаткой.

И простор захватила потоком огня  
Жизнь, текущая шире и дальше меня, —  
Золотым полыханьем без края  
В каждом волю сверчащем пропащем сверчке,  
В каждом рот разевающем глупом мальке,  
В каждом грозном дыхании мая.

Бесконечный, дразнящий поток бытия,  
Ты оклики меня — ты наполни меня!  
Неоглядный, живой, беспредельный!  
Я — девчонка в твоём городском тупике.  
Я — словечко на остром твоём языке.  
Я — мишень твоей боли прицельной.

Что там перечень дивных чудес и красот —  
Вот сейчас — засверкает, пальнёт, громыхнёт!  
Встав у края, кулак разжимаю:  
— Как тебя называть, молодая гроза?  
А она, расsverкавшись, хохочет в глаза  
Бесподобным раскатом:  
— Не зна-а-а-а-ю!!!

Не вини же виной, не кори меня злом,  
Я упрямо жила свою жизнь о другом,  
Всё узнав и простивши на свете.  
От грозы и любви — всем влюблённым привет!  
А о том, что ни смерти, ни тления нет,  
Знают даже наивные дети.

\* \* \*

Однажды и мне, если хватит отважного духа  
Увидеть судьбу за привычным набором острот,  
Придётся признаться: теперь я седая старуха,  
И это, пожалуй, уже никогда не пройдёт.

Седая старуха, я джинсы куплю помоднее  
И, лихо пройдя переулками жизни своей,  
Легко примирившись, скажу беспечально: “Бог с нею,  
Поскольку Господь отмечался надеждою в ней”.

И жизни своей, промелькнувшей огнями не мимо,  
Озоном любви и грозною сомнений дыша,  
Признаюсь я честно, что молодость неистребима,  
Как неистребима и в чёрной печали душа.

И шаг не замедлив, не сбавив весёлого пыла,  
Открыта для всех, словно в мире не видела зла,  
Скажу откровенно, что я ничего не забыла,  
Но, всё сберегая, себе ничего не взяла.

Скажу беспечально, что вечная чаша хмельная  
Ещё не испита на дружеском пире до дна,  
Звенит, не смолкая, по кругу плывет, полыхая,  
И манит, и дразнит, поскольку бездонна она.

Ты длись, моя жизнь, в бесконечных проулках весенних,  
Пока над холмами в высоком и вольном бреду  
Гремят соловьи и грохочут шальные сирени,  
Покуда сирени цветут в Гефсиманском саду...

Швырнет Смядынь багряных листьев с неба  
Под детский сон несбывшейся мечты —  
У белой церкви конь святого Глеба  
На клумбе ест осенние цветы.

Он заблудился в медленных столетьях  
И звёздам ржёт во времени другом.  
— Куда забрался! — с ним играют дети,  
И старый сторож машет костылём.

Он послан был как милость и награда  
Не предавшим духовное родство  
И в жадном мире жадного распада  
Себе не пожелавшим ничего.

В том давнем сне мы главное попросим,  
Погладим тихо гриву и бока.  
Нас ждёт спасенье, если красный в осень  
Небесный конь не сбросит седока.

Внизу качнёт кварталы, опадая,  
Железный город, бравший на излом.  
Нам в этой жизни снится жизнь другая —  
Не с мелким злом и призрачным добром.

Да что терять седым усталым детям,  
Над ложью мира вставшим в стремена!  
Лети же, конь! Спасенье есть на свете!  
Мы не вмещались в наши времена!

Мы не вмещались в стройные обманы,  
В партийный бред, в зарвавшуюся власть,  
В гроши, что можно запихнуть в карманы  
И, наигравшись, оторваться всласть.

А что манило нас — увь! — туманно,  
Как всё, чем с детства раннего горим.  
Но жжёт доньне душу пламень странный,  
Который трудно объяснить другим.

И в этой мгле проветренной осенней,  
Где нищи мы, и нечего с нас взять,  
Всё больше ищет веры и спасенья  
Душа, давно уставшая терять.

Лети же, конь! Над отчею разрухой,  
Над чашей боли, выпитой до дна,  
Над областью растоптанного духа,  
Навылет пробивая времена!

## МАТРОНА МОСКОВСКАЯ

И роза не вянет, и свечка горит.  
— Просите смелее, что надо! —  
Матрона Московская чудотворит  
В потёмках столичного ада!

Матрона Московская сходит с небес  
К высоткам и каменным плитам.  
О, сколько здесь дивных великих чудес,  
О, сколько здесь тайн позабытых!

Прозревшей Матроны горят очеса  
Над небом, над морем, над сушей.  
Прозревшей Матроны палят чудеса  
Огнём, опаляющим души.

Соткавшись из воздуха, крестит рука  
Квартал у дороги железной,  
Жука на асфальте, бомжа у ларька,  
Старушек седых у подъезда.

Берите из короба Божьих чудес,  
Пока, о своём беспокоясь,  
В гуденье машин и бряцанье словес  
Безликий шумит мегаполис.

Я тоже пришла из бегущей Москвы,  
Из шума, из горя, из блуда,  
Из жадной толпы, из стоустой молвы  
И в очередь встала — за чудом!

Как все — потребитель бесплатных щедрот,  
Времён иссякающих житель,  
Как все — накопитель гремящих пустот,  
Безумного века служитель.

Меня не пробить на досужую речь —  
Не нравится, так и не слушай!  
Но эту любовь я готова беречь  
И душу — о, главное — душу!

Проси посмелее, зарвавшийся век,  
Летающий за счастьем убого,  
Огромного чуда — велик человек,  
Когда он воистину — с Богом!

\* \* \*

*Елене Мининой*

О счастье и жизни — в дороге какой разговор,  
Пока рассекают пространство и небо колёса?  
А поле замёрзло, и вмёрз в перелески простор,  
И все мы замёрзли — но лишних не надо вопросов.

А там, прилетевший до срока, оставив юга,  
Как бомж на морозе, насквозь бесприютный и нищий,  
Нахохлившись, аист клюёт возле стога снега  
И всё не находит душе ни приюта, ни пищи.

Он долго летел, над судьбой распрямляя крыло,  
К пустынным холмам, где когда-то случилось родиться.  
И долго стремился, прося, чтоб ему повезло,  
Как все мы стремимся — ведь надо куда-то стремиться.

Но вспыхнет мгновение — и никогда не пройдёт:  
Есть аист, и ты, и снега, и столбы у дороги.  
И щёлкнет в уме указателем на поворот,  
Что жизнь — бесконечна, и рано итожить итоги.

И снова потянет — нестись, прожигая бензин,  
И что-то искать, и зачем-то к чему-то стремиться.  
И выжать спидометр, и долго искать магазин,  
И кильку свежайшую требовать у продавщицы.

А после — вернуться и выйти на снег не спеша.  
И выпить простор в накатившей мольбе суеверной.  
И радостно вспомнить — озябшая жива душа.  
И аиста килькой кормить на дороге вечерней.

И Бога просить — нет, не чтобы тебе повезло,  
Хотя ты не прочь, чтобы это однажды случилось, —  
А чтобы согрел, и услышал, и взял под крыло —  
Ведь всем нам нужна, как дыхание, Божия милость.